

Русский Журнал

ТЕМА НЕДЕЛИ:

Управляема ли десоверенизация Украины?

выпуск № 6(20)

еженедельное издание Русского Института

16 марта 2009

Стивен Пайфер: Говорим «Украина» — подразумеваем кризис

Суть дела

- Никита Куркин с.2

DIXI

- Стивен Пайфер с.3

Мировая повестка

- Юрий Романенко с.4
- Марку Кивинен с.4
- Константинос Филис с.5
- Даниэле Аркибуджи с.5
- Тарас Кузьо с.6
- Эндрю Уилсон с.6

Интеллектуальное

расследование

- Кирилл Бенедиктов о государствах-банкротах . . . с.7

Позиция

- Сергей Караганов с.10

руБРИКа

- Юань Цзиндун с.12
- П.Р. Чари с.13
- Модест Колеров с.13
- Лесли Эллиотт Армижу . . . с.13

Проблемное поле

- Кирилл Танаев с. 14
- Андрей Ермолаев с.15
- Михаил Погребинский . . с.15

О чем спор?

- Руслан Хестанов с.16
- Михаил Ремизов с.17

Тенденция

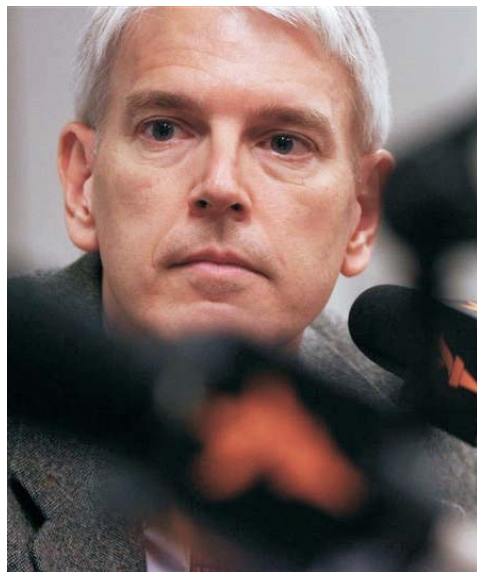
- Надежда Кеворкова с.18

Документ

- «Предотвратить кризис на Украине». Выдержки из доклада с.19

Возвращаясь к теме

- Кристофер Лэйн о коллективной памяти . . . с.20

РЖ *Уважаемый господин Пайфер, можно ли говорить о возникновении некой «дуги нестабильности» в Европе, которая проходит через Грецию, Венгрию и Украину? Какие геополитические последствия возникновения подобного явления?*

Мне как-то не очень импонирует подобное выражение — «дуга нестабильности». Политические проблемы в большинстве своем спровоцированы экономическим кризисом. Они сейчас актуальны не только для Греции, Венгрии и Украины, но и для всех стран мира. Если в какой-нибудь из европейских стран начнутся серьезные неприятности, то по всей Европе может начаться «эффект домино». Было бы здорово для ЕС больше внимания уделять тем странам Содружества, где экономическая и политическая ситуация оставляет желать лучшего.

В долгосрочной перспективе Москва совершенно не заинтересована в тотальной дестабилизации Украины

РЖ *Какие страны Евразии из-за кризиса могут оказаться в состоянии политического failed state? Можно ли говорить об этом с уверенностью, если речь заходит об Украине?*

В моем понимании failed state — это страна, где основные институты управления и экономические институты больше не существуют. Это пока не имеет отношения к странам Восточной Европы, в том числе и к Украине, в которой, однако, экономическая ситуация остается весьма серьезной. **Самое главное для Украины сейчас — выполнить условия МВФ**, которые требуют определенной финансовой дисциплины. И, к сожалению, Украина не очень хорошо с этим справляется в связи с затянувшимся политическим противостоянием между президентом Ющенко и премьер-министром Тимошенко. Это противостояние не дает Украине возможности разработать последовательную программу по выходу из кризиса. Напряженная ситуация в Украине будет сохраняться, потому что секретариат президента и министры не в состоянии работать друг с другом. В результате Украина не сможет эффективно реагировать на существующие проблемы, что будет иметь соответствующие грустные последствия для украинской экономики. Однако это вовсе не значит, что Украина превратится в failed state.

Окончание на стр. 3

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

РАЗГОВОР НА ЩЕКотЛИВУЮ ТЕМУ

Никита Куркин

Десуверенизация — и в качестве инициативы сверху по отказу государства от своих суверенных прав, и как стихийный, неуправляемый процесс снизу — приобретает в соседних с Россией государствах довольно внушительные масштабы. Одной из первых ласточек будущей бури стали многотысячные митинги протеста в странах Прибалтики. Граждане, поставленные кризисом в тяжелейшие условия, потребовали оккупации своих стран Швецией — поскольку они не верили в способность своих государственных структур хоть как-то исправить экономическую ситуацию. Правительства этих республик, впрочем, еще не исполнились желанием отказать от собственной власти. Однако они охотно готовы поступиться определенной частью суверенных прав, особенно в области финансовой политики, в пользу международных кредитных организаций и ЕС.

Ничуть не менее серьезные процессы идут на территории Украины, где десуверенизация оказывается просто синонимом паралича систем управления — исполнительная власть в упоении пожирает саму себя при полном бездействии власти законодательной. Как Россия, так и европейские партнеры Киева фактически уже не могут найти в украинской столице собеседников по переговорам, чья подпись не утрачивала бы силы в момент высыхания чернил на договорах. И это только то, что происходит на европейском направлении. Кто может гарантировать долгосрочную стабильность государств Средней и Центральной Азии?

Тут наше повествование подходит к самому главному вопросу. Как сделать десуверенизацию стран, которые самим своим развитием поставлены на грань «рассыпания», процессом управляемым, при котором возможные негативные последствия для России и ЕС сведутся к приемлемому ми-

нимуму? **Возможна ли управляемая десуверенизация в принципе?**

Десуверенизация сама по себе, как отказ страны от части своих суверенных прав в пользу наднациональных структур, не является табу для европейских политиков — интеграционные процессы Европейского союза, собственно, и представляют собой процесс отказа от безусловного суверенитета. И этот процесс аккурат управляемый.

Гораздо сложнее с Россией. Для российского общественного сознания словосочетание «управляемая десуверенизация» скрывает страх утраты суверенитета и «внешнее управление» отнюдь не в интересах собственного населения. Подобная перспектива вполне стояла для страны на повестке дня в девяностые годы (возможное последствие войны в Чечне и

сового кризиса? Как проводить управляемую десуверенизацию и при каких условиях ее реализацию необходимо дополнять созданием структур протектората, а при каких — подкреплять их действие еще и формированием стабилизационных (миротворческих) сил? И, главное, при каких условиях подобные меры являются допустимыми, а при каких нет?

Дискуссия о допустимости вмешательства в дела суверенных стран шла несколькими волнами, но итоги прежних споров уже не вполне соответствуют современным реалиям. Мы помним и диспут вокруг суданской провинции

Как России управлять десуверенизацией несостоявшихся государств на ее границах?

дефолта 1998 года). Для патриотов она была чревата угрозой «ползучей регионализации» России. Для либералов — угрозой возрождения неких «имперских амбиций». Скорее всего, именно по причине этих не самых приятных воспоминаний общественная дискуссия на тему **«Как России (возможно, при согласии ЕС) управлять десуверенизацией несостоявшихся государств на ее границах?»** в нашей стране еще и не начиналась. А, между тем, она жизненно необходима и именно в контексте российских национальных интересов.

Вопросы для обсуждения серьезные. **Что такое государство-банкрот или несостоятельное государство в условиях глобального финан-**

Дарфур, необходимость присутствия в которой международных сил доказывалась «гуманитарной катастрофой», — подобный довод вызывает резкое несогласие со стороны суданских властей, отнюдь не готовых к десуверенизации. Были случаи и фактического распада государственности, при котором жители «рассыпавшейся» страны были готовы существовать и без нее. Пример — Сомали. И более близкие к нынешней ситуации случаи: один из островов Комор попросился под власть старой колониальной монополии — Франции, когда жители поняли, что с независимостью они не справляются. Что она стала обузой... ■

ГОВОРИМ «УКРАИНА» — ПОДРАЗУМЕВАЕМ КРИЗИС

Окончание. Начало см. стр. 1

РЖ *Не кажется ли вам, что странам из серии failed state потребуются экстраординарные методы выхода из кризиса, возможно, диктатура? Нет ли опасности установления на Украине авторитарной власти: переход власти в руки представителей силовых структур, введение прямого президентского правления? Или обратный вариант — скатывание этой страны в хаос?*

Несмотря на существующие трудности, сползание в диктатуру в Украине мне представляется маловероятным. Одним из самых больших достижений Украины было создание демократической системы. Последние выборы вполне соответствовали демократическим нормам. Так что я не думаю, что возврат к авторитаризму возможен.

Моим самым большим опасением в отношении Украины является то, что в результате затянувшегося противостояния между президентом и премьер-министром и на фоне приближающихся выборов, экономического кризиса и нерешенного вопроса об украинской геополитической ориентации — смотреть ли ей в сторону Европы или России — **произойдет серьезный раскол по линии Западная — Восточная Украина или по еще более сложным региональным пунктирным линиям.** Это, пожалуй, наихудшее развитие событий, которое я могу себе представить.

РЖ *Давайте рассмотрим такую гипотетическую ситуацию: события на Украине приобретают катастрофический, неуправляемый характер. Могут ли быть предприняты какие-то совместные политические действия со стороны США, ЕС, России и Турции для урегулирования подобной ситуации? И могут ли эти*

действия быть, в теории, оформлены в виде какой-либо совместной организационной структуры по типу организаций — участников ближневосточного урегулирования?

Вряд ли такое развитие событий возможно. В Украине, может быть, не лучшие времена, но я надеюсь, что США и ЕС помогут Украине справиться с ними, и я не думаю, что Украина скатится в неуправляемый хаос. Государственные институты в Украине работают не очень хорошо и качественно, но не настолько плохо, чтобы спровоцировать крах этого государства. Если были хотя бы какие-нибудь признаки подобного развития событий, США, безусловно, предприняли бы все необходимые меры. Думаю, что так же поступили бы и Евросоюз, и Россия. Пусть иногда и возникает ощущение, что России довольна тем, что происходит в Украине, но я думаю, что в **долгосрочной перспективе Москва совершенно не заинтересована в тотальной дестабилизации Украины.**

РЖ *Обсуждаются ли подобные варианты развития событий в экспертной среде на Западе?*

Нет, в США подобные варианты пока не обсуждаются. Могу говорить об этом с уверенностью, так как недавно написал небольшую книгу о кризисе на Украине. Она обсуждалась с различными людьми в Вашингтоне из экспертного сообщества, занимающегося международной проблематикой. На основании этого могу сказать, что, **говоря об Украине, люди говорят о политическом кризисе,** выход из которого, соответственно, должен быть политическим. О кризисе, но не о катастрофе. Эксперты прогнозируют рост социальной нестабильности, манифестации, столкновения между демонстрантами и украинскими силовыми структурами, ухудшение отношений с Россией из-за Черноморского флота. Хочу напомнить, что одной из самых напряженных ситуаций для современной администрации была ситуация, возникшая в прошлом августе во время российско-грузинской войны. Тогда президент Ющенко сказал, что он не разрешает российским кораблям, принимавшим участие в операции, вернуться в Севастополь, корабли вернулись, и в ответ на это Украина выставила в порту два эсминца. Тогда все поняли, что любой другой шаг в этом направлении — и последствия будут плачевными как для Украины и России, так и для Запада. Однако представить что-то более катастрофичное, чем это, очень сложно. **В западной экспертной сфере, как правило, звучат опасения, что Украина не сможет решить свои экономические проблемы** или что начнутся социальные волнения, но никто не говорит о том, что Украина может скатиться в хаос. ■

Беседовала Юлия Нетесова

СТИВЕН ПАЙФЕР долгие годы находился на дипломатической службе США. В частности, он возглавлял посольство этой страны на Украине (1998–2000 гг.), а также был специальным помощником государственного секретаря США по вопросам России и Украины (2001–2004 гг.), а также занимался российскими

и украинскими вопросами в структуре Национального совета безопасности США (1998–2000 гг.).

В настоящее время Пайфер является старшим советником в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон), помимо этого он научный сотрудник в Центре США и Европы в

Институте Брукингса, где занимается российской и украинской тематикой.

Стивен Пайфер — член самой влиятельной неправительственной организации США по вопросам внешней политики — Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations).

УКРАИНА ЖДЕТ СИЛОВИКА

ЮРИЙ РОМАНЕНКО – директор Центра политического анализа «Стратагема», руководитель спецпроектов журнала «Главред» (Украина)

Специально для РЖ

Украина, глубоко включенная в глобальную экономику, сильно пострадала от этого кризиса. Она – экспорто-зависимое государство. Европа, Штаты, Россия неприкрыто борются за свое влияние в этой точке. В этих условиях Украина должна была сформировать свой очень мощный центр. Объективно Украина нуждалась в едином центре принятия решений, и это должен был быть президентский институт. Но вы сами знаете о том, что фактически власть Украины фрагментирована между различными финансово-промышленными группами, которые после 2004 года взяли власть под свой контроль. **Население Украины ждет сильного политика, и ситуация объективно подталкивает его к авторитарному типу решения проблем.** И если говорить о том, кто может стать диктатором – конечно, прежде всего это Юлия Владимировна Тимошенко. Большинство экспертов и политиков смотрят на нее как на кандидата номер один по установлению авторитарного режима в Украине. Население видит это иначе.

В социологическом опросе мы задали вопрос: кто из политиков способен вывести Украину из кризиса? Так вот, считают, что Янукович способен вывести из кризиса, – 20,5%, Тимошенко – 13,8%, Яценюк – 9,6% (он в последнее время достаточно сильно поднялся в рейтинге).

Помимо Тимошенко, пока еще имеет минимальные рычаги и Ющенко, хотя его рычаги уже в большей степени мифические. Чтобы ввести какое-то тоталитарное правление ему сложно будет опередить силовиков, в отличие от 2006 года. Несмотря на наличие у не-

го планов прямого президентского правления, де-факто не будет рычагов, чтобы его осуществить.

Способны ли украинские силовики выдвинуть своего человека? В принципе, такие варианты сейчас рассматриваются. Силовые органы очень пострадали от кризиса, и материально, и духовно. Они находятся в униженно подчиненном положении. И в армии, и в спецслужбах зреет открытое недовольство тем, что происходит в стране. Я не исключаю, что появится политическая фигура, консолидирующая силовиков.

И еще один вариант, который обсуждается, это реформирование украинского государства через национальный конгресс или «конституционное собрание». Определенные круги предлагают таким легальным, вернее, паралегальным путем создать новую «Третью республику». Такая вероятность относительно мала. Поэтому, на мой взгляд, если математически прогнозировать, каким образом ситуация в Украине разрешится, то – 80 на 20 – она разрешится силовым путем. **Вероятность силового варианта превосходит вероятность несилового.**

Наверняка надо ждать попыток урегулировать конфликт через создание структур по типу круглого стола, как это было в 2004 году, но на более системном, серьезном уровне. Перерастание конфликта в силовую фазу будет означать, что в Евразии начинается фаза силовых противостояний. Не секрет, что сегодня Евразия готовится к большим конфликтам. Если ситуация у нас перейдет силовую грань, то Украина станет одним из костров в череде больших костров, как, скажем, война в Испании в 1936–39 годах.

Мы еще не падающее государство, не упавшее. Но сползаем в эту сторону. Таких государств скоро будет много.

Я, кстати, и насчет России в этих условиях не строил бы иллюзий. Потому что Россия, в общем-то, подходит к тому же порогу, что и Украина. Единственное, что у нее есть сейчас – более или менее четко работающая вертикаль власти. Однако, у нее есть и большие проблемы, по периметру, и в экономике, и на уровне противоречий с Соединенными Штатами Америки. ■

КАК ИЗБЕЖАТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

МАРККУ КИВИНЕН – профессор, директор Института Александери – Финский центр изучения России и стран Восточной Европы

Специально для РЖ

Именно на Украине пройдет проверку на прочность вся система, сложившаяся после холодной войны. В настоящее время Европейский Союз не способен проводить последовательную согласованную политику в отношении постсоветского пространства

– вот почему невозможно решить вопрос расширения ЕС на восток. Эта проблема только обостряется в условиях финансового кризиса. **Худший сценарий для Украины – превратиться в несостоятельное государство, и он вполне возможен.**

Такая перспектива подчеркивает необходимость единого подхода к Украине со стороны ЕС и России. Этот единый подход должен быть основан на понимании того, что во главе угла оказывается общий интерес – избежание максимальных рисков. **Если Россия и ЕС не собираются вступать в конфронтацию, то риска диктатуры или хаоса на Украине можно избежать.** Бездумное расширение НАТО и политическая конфронтация с обеих сторон может привести к гражданской войне на Украине и последующему крушению этого государства. ■

СБУ МОЖЕТ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ

КОНСТАНТИНОС ФИЛИС
греческий политолог, руководи-
тель Центра изучения России, Ев-
разии и Юго-Восточной Европы
(Афины), старший научный со-
трудник Колледжа святого Анто-
ния (Оксфорд)

Специально для РЖ

На Украине многое за-
висит от президента
Виктора Ющенко, по-
скольку он контролирует
силы безопасности, с по-
мощью которых в недав-
нем прошлом имел обык-
новение «убеждать» Ти-
мошенко остаться в со-
ставе коалиционного пра-
вительства или выпол-
нить его распоряжения.
**Если силы безопасности
потеряют доверие к прези-
денту или увидят его неспо-
собность управлять собы-
тиями, они вполне могут
взять контроль в свои руки.**
Неспособность Ющенко
сформировать сильные
институты и механизмы
делают подобный сцена-
рий вполне вероятным. С
другой стороны, данные
опросов общественного
мнения показывают, что
президент Украины край-
не непопулярен.

Стремление Ющенко
удержать власть, полити-
чески выжить означает,
что вариант развития со-
бытий по пути установле-
ния диктатуры может сра-
ботать. Если все выльется
в свободные выборы, то
нынешний президент, ве-
роятно, покинет полити-
ческую арену навсегда.
Но я надеюсь, что он осоз-
нает свою историческую
ответственность и облег-
чит развитие событий, ус-
корив президентские вы-
боры, которые крайне не-
обходимы и являются, ве-
роятно, единственным
выходом из кризиса.

Длительный кризис уп-
равления и коррупция
сделали возможным по-
добную политическую
ситуацию (ее стержнем
стала передача полномо-
чий от президента парла-
менту, в результате чего
Ющенко потерял под-
держку и оказался в уяз-
вимой позиции). В этом
причина кризисного со-
стояния государства Ук-
раина. Есть ли другие
страны развитого мира,
где президент может за-
явить, что он не связан
договорами, подписан-
ными его премьер-мини-
стром, в попытке нивели-
ровать соглашение Пути-
на – Тимошенко по це-
нам на газ?

За исключением «сме-
ны караула» в 2004 году я
не вижу признаков сколь-
нибудь существенной по-
литической реформы на
Украине. **Президентство
Ющенко стало «банкрот-
том» уже довольно давно.
Теперь оно может спрово-
цировать банкротство
страны в прямом смысле
слова.** Боюсь, что целью
«оранжевой революции»
было взятие власти «из-
бранным» меньшинст-
вом, а не обществом в це-
лом. Не было никакого
долговременного плана
решения проблем, унас-
ледованных от Кучмы.
Было только желание за-
крепить сложившийся
порочный цикл, но с
иными главными героя-
ми. ■

СУВЕРЕНИТЕТ — НЕ ДОГМА

ДАНИЕЛЕ АРКИБУДЖИ – про-
фессор изучения публичной по-
литики Лондонского универси-
тета, один из директоров Итальян-
ского национального исследова-
тельского совета (Рим).

Специально для РЖ

Понимание термина
«failed state», бе-
зусловно, изменилось.
Поменялась сама ситу-
ация в мире. **Реаль-
ность сегодняшнего дня
заключается в том, что
заново воссоздавать го-
сударство как институт
будет очень и очень
сложно даже в тех слу-
чаях, когда имеется
международный консен-
сус по этому поводу.**
Почему? Кризис. Мож-
но привести пример
Сомали, где первое
вмешательство состоя-
лось в 1992 году, и, не-
смотря на все усилия,
предпринятые между-
народным сообщест-
вом, Сомали по-преж-
нему остается failed
state. Попытки заново
«собрать» Сомали про-
исходили в гораздо бо-
лее благоприятных гло-
бальных политических
и экономических усло-
виях, чем сейчас. И они
потерпели неудачу.
Функционирование го-
сударства – это про-
цесс гораздо более
сложный, чем полага-
лось ранее. Процесс его
восстановления еще
сложнее.

Очень и очень воз-
можно, что к списку бу-
дут добавлены новые
страны из Африки и
Азии. Особенно этот
касается стран, сильно
зависящих от колеба-
ний цен на сырье, их
прибыль заметно

уменьшилась. Хочется,
правда, отметить, что
данная ситуация может
открыть этим странам и
новые возможности для
развития. Кризис капи-
талистического мира
может быть использо-
ван для изменения
структуры своей эконо-
мики, для превращения
ее в менее зависимую от
внешнего мира и гло-
бальных механизмов.

**Сомнительно, чтобы
несостоявшимся госу-
дарством в результате
стала Украина. Правда,
не благодаря деятельно-
сти своих властей, а из-
за того, что она является
своего рода «спорной
территорией» между Ев-
ропой и Россией.** Ее па-
дение, как мне пред-
ставляется, не входит
ни в приоритеты Брюс-
селя, ни в приоритеты
Москвы.

Суверенитет является
весьма размытой кате-
горией в наши дни. Я
уделяю этому отдельное
внимание в своей по-
следней книге «Global
Commonwealth of
Citizens». Суверенитет
– категория прошлого,
заметно утратившая
свою силу. Значение су-
веренитета неуклонно
уменьшается, как это и
происходит сегодня в
Евросоюзе. **Для того
чтобы суверенитет снова
стал действенной кате-
горией, его надо переос-
мыслить.** ■

У УКРАИНЫ НЕПЛОХИЕ ШАНСЫ

ТАРАС КУЗЬО
научный сотрудник Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона, президент фирмы Kuzio Associates
Специально для РЖ

В Европейском союзе наблюдается некая усталость в отношении расширения, но это давний феномен. Он появился после расширения в 2004 году. Однако это не значит, что расширения больше не будет. Новый виток может начаться после того, как будет преодолен глобальный кризис. На очереди стоят три региона — Украина, Турция и Западные Балканы. У Украины неплохие шансы — это небольшая немусульманская страна.

Понятие «несостоявшееся государство» весьма неоднозначное. Оно применялось к таким странам, как Афганистан, Грузия и Молдавия. **Об Украине как о «несостоявшемся государстве» не говорили еще никогда.** В стране бывали кризисы, но государство оставалось сильным. Сравнение Украины с «несостоявшимися государствами» можно слышать в России, где кое-кто не считает Украину полноценной страной.

Ухудшение ситуации возможно в Таджикистане и, вероятно, в Киргизии, потенциально — в Армении и Азербайджане, где не решена проблема Нагорного Карабаха.

На Украине не существует силы или лидера, который устроил бы всех украинцев. Однако это не значит, что население не

желает видеть во главе страны сильного лидера. Кризис стимулирует у людей желания такого рода — в Европе набирают популярность популистские и правые партии.

Рейтинг Ющенко крайне низкий: его поддерживает 3–4 процента населения. **Страна нуждается в руководстве, которое решало бы проблемы, связанные с экономическим кризисом.** Нынешние украинские лидеры этого не делают.

Долг украинского правительства относительно небольшой — 12 процентов ВВП. О банкротстве государства можно говорить, когда цифра составляет 50–60 процентов. Другое дело — корпоративная задолженность, которая превышает 40 миллиардов долларов. Так что в частном секторе будут дефолты и банкротства.

Дополнительное финансирование, необходимое Украине помимо средств, выделяемых ВМФ, составляет всего 5 миллиардов долларов. **Оппозиция не допустит, чтобы эта помощь пришла из России,** поскольку Москва запросит высокую цену — создание консорциума по управлению украинскими газопроводами. Так что средства могут прийти из ЕС, США и международных организаций. ■

ЭКОНОМИКЕ УКРАИНЫ НУЖЕН КЕЙНСИАНСКИЙ СТИМУЛ

ЭНДРЮ УИЛСОН
старший научный сотрудник Центра изучения Восточной Европы при Лондонском университете, научный сотрудник Европейского совета по международным отношениям
Специально для РЖ

Восточная Европа сегодня гораздо слабее, чем в 1990-е годы, особенно Украина и Молдавия. Но сегодня к этим странам примыкают и Венгрия с Польшей. Есть ли среди них failed states? Это, наверное, было бы слишком громко сказано. Многие из этих стран привыкли жить со своими слабостями.

Экономике Украине необходим кейнсианский стимул. Таким стимулом могут стать подготовительные работы к финалу чемпионата Европы по футболу 2012 года. Необходимо строить отели, дороги, ремонтировать стадионы, что могло бы быть сделано совместными усилиями частного сектора и государства.

Европейский совет по международным отношениям подготовил отчет о странах, граничащих с ЕС. Наше предложение заключается в том, что **Европа и Россия должны не соревноваться за то, кто будет помогать той или иной стране, а создавать совместные «пакеты помощи».**

На Украине часто идут разговоры на тему об экстраординарных мерах по выходу из кризиса. Не думаю, что такого рода действия будут успешными. Украина — плюралистическая стра-

на, не имеющая традиции сильной армии или силовых структур. **Потеря властью рычагов управления — более возможная, хотя и совершенно недопустимая альтернатива.**

Ни одно из правительств Украины после «оранжевой революции» не было эффективным с точки зрения разделения властей. Поправки к Конституции только усилили соперничество между ветвями власти. Украине необходима конституционная реформа, чтобы исправить то, что было сделано в 2006 году. **Политическая система Украины была неработающей еще до того, как по стране ударил экономический кризис,** что и объясняет, почему сейчас ситуация здесь гораздо хуже, чем в других странах.

Украинская экономика сильно пострадала в результате кризиса. Но прогнозы о возможном банкротстве государства преувеличены. Что действительно угрожает Украине, так это корпоративный дефолт. У Украины нет стратегического резерва, который мог бы быть использован для помощи частному сектору, и есть большой риск, что начнется цепная реакция, за которой последует серия банкротств. ■

В ДОЛГОВОЙ ЯМЕ

Кирилл Бенедиктов

В декабре несколько тысяч жителей Латвии подписались под петицией к правительству Швеции с просьбой оккупировать их страну. *«Мы, нижеподписавшиеся, хотим попросить Шведское государство, чтобы оно нас оккупировало. Мы считаем, что Латвийское государство по вине его руководителей полностью потеряло смысл своего существования. Мы готовы принять и соблюдать законы Швеции и платить налоги Шведскому государству»*, — говорилось в документе. В коридорах власти в Риге открыто заговорили о банкротстве и дефолте.

В русский язык слово «дефолт» (default, невыполнение обязательств) вошло в августе 1998 года, когда правительство Кириенко объявило о прекращении платежей по ГКО и ОФЗ. Фактически государство признало себя банкротом. Замминистра финансов Дмитрий Панкин говорил: *«Было ощущение, что все иностранные инвесторы, все мировое сообщество вычеркнут Россию из числа нормальных партнеров на десять, пятнадцать, двадцать лет, и на этом нормальная экономика закончилась»*.

Однако этого не произошло. Россия вышла из кризиса окрепшей, и никто не подвергает сомнению ее членство в клубе ведущих мировых держав.

В 2007 году финансовые неприятности настигли Францию. Дефицит бюджета рос такими темпами, что премьер Франсуа Фийон был вынужден заявить о фактическом банкротстве страны. Но и тут не было никаких серьезных последствий. В разное время в категорию неплатежеспособных государств попадали Аргентина, Украина и ряд других государств. *«Главное отличие неплатежеспособности государственной от частного банкротства в том, что государство, как правило, не разоряется окончательно,*

— считает профессор Йенского университета Кристоф Олер. — *Государство не может покрывать свои текущие обязательства. Но по мере выздоровления экономики оно возобновляет платежи, и страна возвращается на мировой финансовый рынок»*.

Так и было до недавнего времени. Однако **нынешний кризис изменил правила игры. Выздоровление экономики напрямую зависит от ситуации на мировых финансовых рынках, а что делать, если сами эти рынки лихорадит?** Кризис, как потоп, грозит смыть с лица земли целые страны. Примером может служить Исландия. Когда мировой финансовый кризис уничтожил ликвидность крупнейших банков, а рыбу стали покупать меньше, Исландия оказалась на грани банкротства. От

Расширенное толкование понятий «failed» и «failing states» было удобным для сторонников пересмотра концепции государственного суверенитета

окончательного падения ее удерживают только огромные кредиты. Тем не менее **Исландия остается наиболее вероятным кандидатом на звание первой европейской страны-банкрота. В спину ей дышат Латвия и Украина.**

Недееспособные государства

С конца 1990-х годов в лексиконе аналитиков появился термин «failed states». Его переводят как «государства-банкроты», «несостоявшиеся государства», «государства-неудачники», но по смыслу ближе «недееспособные государства». Тема «недееспособных государств» и «государств, теряющих дееспособность» («failing states») вошла в широкий обиход после речи главы МИД Великобритании Джека Стро 6 сентября 2002 года. Стро отнес к «недееспособным государствам» те страны, где *«центральная власть ослабла настолько, что не в состоянии поддерживать закон и порядок, а территории контролируются соперничающими кланами и бандами»*.

Концепция **failing states** была развитием популярной концепции **rogue states** («государства-изгои»). Стро находил определенное сходство между государствами-изгоями (Ираком, Северной Кореей и т.д.) и «недееспособными государствами»: одни были неспособны соответствовать принципам международного права, другие чересчур охотно их попирали. Общим было то, что они про-

воцировали «международное сообщество» на силовое вмешательство и установление режима внешнего управления.

Поначалу речь шла о странах типа Сомали, Демократической Республики Конго или Афганистана, где политический

хаос служил питательной средой для терроризма, торговли оружием и наркотрафика. Однако постепенно «клуб недееспособных государств» расширялся.

Известный американский мыслитель **Ноам Хомски** определял характеристики недееспособного государства так: *неспособность или нежелание государства защитить своих граждан от насилия или смерти; склонность власти считать себя выше национального закона и норм международного права; дефицит демократии, лишаящий формально действующие демократические институты реального содержания.*

Джек Стро относил к недееспособным государствам не только страны Африки, но и «Балканы начала 1990-х». А в докладе RAND Corporation «Оценки упадка России» за 2002 год говорилось: *«Хотя Россия в полной мере не может быть описана как «недееспособная» или «теряющая дееспособность» страна, в ней присутствует несколько важных признаков развала государства».*

Расширенное толкование понятий «failed» и «failing states» было удобным для сторонников пересмотра концепции государственного суверенитета. *«Предотвращение недееспособности государств и восстановление государственности в тех, которые утратили свою дееспособность, является одним из стратегических императивов нашего времени»,* — подчеркивал Стро.

С 2005 года оценкой количества государств, находящихся в нестабильном состоянии, занимаются американский журнал Foreign Policy и общественная организация «Фонд мира». Раз в год они публикуют экспертный рейтинг «недееспособности государств».

Индикаторы нежизнеспособности

В основе методики с применением так называемого сис-

темного инструмента оценки конфликтов (CAST) — оценка по двенадцати критериям, объединенным в три группы: социальные, экономические и военно-политические. Социальная группа — это растущее демографическое давление, массовая миграция беженцев и/или интернированных лиц, наличие недовольных, мстительно настроенных групп и групп с параноидальным поведением, ус-

тойчивая и перманентная миграция людей. Экономическая группа: неравномерное экономическое развитие, резкое ухудшение состояния экономики. Военно-политическая: криминализация государства, беззаконие, ухудшение качества общественных услуг, нарушение принципа верховенства закона и нарушение прав человека, опасность возникновения «государства в государстве», усиление групповых и клановых элит, вмешательство других государств или внешних игроков.

Аналізу подвергается способность пяти ключевых государственных институтов — политического руководства, армии, полиции, судебной системы и гражданских служб — обеспечить безопасность государства и его граждан. Затем эксперты анализируют всю совокупность информации и выставляют оценку по шкале от 0 (наивысшая степень стабильности) до 10. Общий результат

— сумма всех индикаторов (максимум — 120 баллов).

120 баллов на данный момент не набрало ни одно государство. Наиболее близко подошла Сомали, набравшая 114,2 балла и опередившая чемпиона прошлого года — Судан (113).

Государства делятся на четыре типа. Красная («тревожная») зона объединяет государства, набравшие от 90 до 120 баллов. Оранжевая зона — страны, чей

индекс находится между 60 баллами и 89,9 балла. Желтая — от 30 до 59,9. Наконец, в зеленой зоне расположены «устойчивые» государства, чей индекс недееспособности менее 29,9 балла.

Ежегодный «топ-60» рейтинга включает в себя наиболее проблемные государства мира. Из европейских стран в «топ-60» уже не в первый раз попадает Молдавия (85,5 балла).

Что касается России, то за последний год она поднялась с 62-го на 72-е место, но осталась в оранжевой зоне. Этот рывок позволил ей занять почетное место на одном уровне с такими странами, как Свазиленд и Коморские острова.

На первый взгляд подобное ранжирование заставляет усомниться в адекватности самого анализа. Однако дело не в предвзятости аналитиков, а в особенностях используемой методики. Из двенадцати критериев CAST лишь два имеют

отношение к экономической ситуации, а это создает перекося в пользу социальных, демографических и военно-политических факторов.

Пересечение кривых

Существуют и другие рейтинги — такие, как «Индекс слабости государств в развивающемся мире», подготавливаемый Brookings Institution. Этот рейтинг основывается на четырех базовых параметрах: экономической и политической ситуации, безопасности и социальной сфере. Экономическая составляющая этого рейтинга более репрезентативна, чем в методике CAST: она учитывает темпы роста экономики, долю ВВП на душу населения, темпы инфляции, разрыв в доходах между богатыми и бедными, качество государственного управления и т.д. — всего двадцать показателей.

«Рейтинг слабости» разносит страны по пяти категориям — «обанкротившиеся государства» (Афганистан, Сомали, Конго), «критически слабые государства» (Ирак, КНДР, многие африканские страны), «слабые государства» (в том числе Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Пакистан, Венесуэла), «государства, требующие внимания» (сюда, наряду с Белоруссией, Китаем, Индией, Азербайджаном и Колумбией, попала и Россия) и «устойчивые государства» — к ним относятся, например, Молдавия, Грузия, Латвия, Литва и Украина. Объективность этого рейтинга вызывает еще большие сомнения: например, слабость России обуславливается крайне низким показателем безопасности — 4,83 балла по десятибалльной шкале, что ниже, чем показатели для Нигерии и Камеруна.

Кризис стал тем фактором, который способен перетасовать привычную колоду красных, оранжевых и зеленых карт. В этой ситуации вывод аналитиков Foreign Policy о

том, что за последнее десятилетие недееспособные государства сместились с периферии глобальной политики в ее центр, звучит зловеще.

Традиционные методы макроэкономического анализа дают более объективную картину. На пересечении рейтингов «недееспособности» и «слабости» государств и таких рейтингов, как, например, «индекс уязвимости ликвидности» (LVI) Standard & Poor's, можно обнаружить немало интересного.

По данным Standard & Poor's, в группу слабейших стран попали все государства Восточной Европы, в том числе страны Прибалтики. Группу наиболее уязвимых стран возглавляет Исландия.

Будущие государства-банкроты нельзя называть «несостоявшимися» или «недееспособными государствами», поскольку банкротство касается лишь финансово-экономических потенциалов государственности, но не исчерпывает эти потенциалы

Стоит отметить, что в рейтинге Foreign Policy 2008 года Исландия занимает 172-е место (на 177-м находится наиболее стабильное государство мира — Норвегия), а все Прибалтийские страны входят в группу «стабильных стран». В рейтинге Brookings Institute Исландия и Эстония не фигурируют вообще, а Латвия и Литва находятся на самой вершине списка «устойчивых государств».

Аналитики Standard & Poor's проводили свое исследование в мире, пережившем первую волну финансового кризиса, и сосредоточились главным образом на проблемах инвестиций и кредитов. Однако резкое изменение экономического положения целых групп стран, еще недавно бывших фаворитами рейтингов, может спровоцировать стремительное падение их статуса в глобальной политической иерархии.

Обострение финансового кризиса может привести к появлению целого ряда стран-банкро-

тов. По мнению директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования Степана Сулакшина, будущие государства-банкроты нельзя называть «несостоявшимися» или «недееспособными государствами», поскольку банкротство касается лишь финансово-экономических потенциалов государственности, но не исчерпывает эти потенциалы: *«Не исчезают национальные властные и силовые институты, территориальный фактор и фактор народонаселения. В нарождающихся государствах-банкротах нет таких «типичных» признаков failed state, как угрозы территориального распада, массовых гражданских столкновений с ко-*

лоссальными жертвами, агрессивного противостояния органов государственной власти», — полагает Сулакшин. Однако нельзя исключать сценария, при котором степень финансово-экономического коллапса породит все перечисленные выше проявления институционального кризиса.

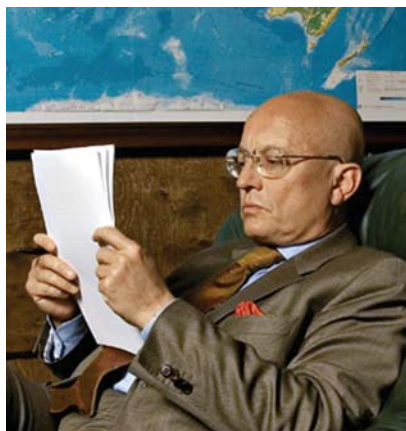
«Безусловно, количество failed states, которых сейчас насчитывается полтора десятка, будет расширяться резко, — считает председатель Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов. *— Совершенно понятно, что это не только производная экономического развития и общей культуры, но и производная политической системы, которая реагирует на экономические вызовы.»*

В этих условиях инициатива жителей Латвии, подписавших петицию с просьбой об оккупации их страны Швецией, теряет анекдотичность и превращается в грозный символ надвигающихся перемен. ■

НИКОМУ НЕ НУЖНЫЕ ЧУДИЩА

Сергей Караганов

РЖ *Уважаемый Сергей Александрович, как вы считаете, грозит ли нынешняя ситуация на Украине превращением ее в несостоявшееся государство, failed state? И вообще, насколько реальна перспектива возникновения новых несостоявшихся государств в Восточной Европе? Не потребует ли это каких-то особых договоренностей России, Европы и США, чтобы избежать негативного развития событий?*

Безусловно, количество несостоявшихся государств, которых сейчас в мире насчитывается около полутора десятков, будет расширяться в геометрической прогрессии. Сейчас в Африке есть несколько государств, которые можно отнести к этой категории. В чуть меньшей степени к этому тяготеет Афганистан, а также Пакистан и еще несколько государств на территории бывшего Советского Союза. В Средней Азии есть государства, которые балансируют на грани превращения в failed state.

При этом понятно, что **несостоявшееся государство не только производная экономического развития и общей культуры, но и производная политической системы**, которая тем или иным способом реагирует на экономические вызовы. То, что **через полтора года стран, которые можно будет назвать несостоявшимися государствами, станет раза в три больше**, — это аксиома.

РЖ *В этой ситуации возникает вопрос о десуверенизации. Итак, мы имеем дело с ситуацией банкротства государства. Возможны ли какие-то механизмы десуверенизации? И возможно ли введение внешнего управления?*

Возможность десуверенизации, то есть потери своих собственных институтов, конечно, существует. Но существует еще и

КАРАГАНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (род. в 1952 году) — заместитель директора Института Европы РАН, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета и основатель журнала «Россия в глобальной политике», член Совета при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Автор множества публикаций по проблемам экономики, внешней политики, контроля над вооружениями, стратегии национальной безопасности, внешней и военной политики России.

пассивная десуверенизация. Это потеря суверенитета не в пользу кого-то, а просто потеря суверенитета как способности народа, общества и государства управлять самим собой. Примерно в 1999 году мы были на грани именно такой десуверенизации. Наша страна реально распада-

лась. Слава богу, нас тогда, как говорится, пронесло. Впрочем, вопрос о передаче суверенитета какому-то внешнему управляющему в тот момент также не стоял.

РЖ *Как влияет ситуация мирового экономического кризиса на возможности управляемой десуверенизации?*

В ситуации мирового экономического кризиса шансы на управляемую десуверенизацию резко сокращаются. Они существуют в ситуации спокойного развития, когда какие-то более сильные государства могут брать на себя ответственность за развитие событий в других государствах, могут взвалить на себя бремя по решению их проблем или просто будут стремиться расширить зону своего геополитического влияния. В такой ситуации они могут брать под контроль те или иные территории и государства. В ситуации мирового экономического кризиса, я думаю, никто этого делать не будет.

РЖ *Не кажется ли вам, что в экспертных кругах идет какая-то — быть может, не явная, а подспудная — дискуссия по поводу того, что делать в ситуации, сложившейся на территории нашего западного соседа Украины? Например, там может произойти неуправляемое развитие событий, как уже показала проблема газопроводов.*

Я, к сожалению, не могу с вами согласиться. Я считаю себя осведомленным в вопросах, касающихся внутренних дискуссий на Украине, и по поводу того, что происходит на Украине. Но дискуссий на эту тему я не вижу. Насколько я понимаю, **европейцы просто начали отталкиваться от Украины любыми способами.** В России серьезных дис-

куссий на эту тему я тоже не замечая. Да и США не до этого. Хотя там существует вполне определенная целенаправленная политика в отношении Украины.

кой разговор может состояться в течение ближайших недель. Более того, я сомневаюсь, что сейчас такой разговор вообще возможен. **Уровень недоверия между Россией и США настолько высок,**

РЖ *Последний вопрос: а можем ли мы — Россия и Европа — позволить распасться такой значимой стране?*

Нет. Не имеем права. Я думаю, распад будет долгим, и его можно будет так или иначе контролировать, воздействовать на него. Но позволять пустить дело на самотек совершенно недопустимо. Но я не вижу реальных возможностей того, что Европа в обозримом будущем даст карт-бланш России на то, чтобы она оккупировала Украину, целиком или по частям. Но и **Россия не захочет получить у себя под боком совершенно неуправляемые территории** — это очевидно. Так что и Россия не позволит кому-то проявлять излишнюю активность. Это результат того, что холодная война еще до конца не завершена, уровень недоверия крайне высок и крупные державы по-прежнему не могут совместно работать для противодействия существующим вызовам.

Это относится не только к Украине — **Украина может распасться еще очень долго.** Есть проблема Пакистана, которая раз в десять серьезнее, но никто не хочет ею по-настоящему заниматься. Все занимаются Ира-

Через полтора года стран, которые можно будет назвать несостоявшимися государствами, станет раза в три больше

Просто сейчас Украину без лишних сантиментов списывают со счетов, и все желают от нее временно «отгородиться». Послушайте дискуссии на эту тему, почитайте публикации о них в прессе, и вы увидите, что все просто опускают очи долу, говоря, что Украина — «это вообще непонятно что такое». Никто, грубо говоря, не готов да и не может взять на себя ответственность.

Тем более не может адекватно реагировать Европа, где вообще большой вопрос — это вопрос о том, кто там является субъектом. Право субъектности было отдано кому-то в Брюсселе. И это никем не оспаривается. Европа отдала свой суверенитет в общеевропейские структуры. Это позитивно, потому что тем самым они преодолели воинствующий национализм. Но в итоге нет единого центра и Европа не может эффективно действовать в ситуации любого значимого кризиса.

РЖ *Как вы считаете, потепление отношений, намечающееся между Россией и Соединенными Штатами, уже получившее наименование «перезагрузка», не может в качестве компонента включить в себя и этот вопрос? Первого апреля состоится встреча двух президентов...*

В принципе, если иметь в виду, например, Украину или Молдавию, — именно эти два государства на сегодняшний день вызывают наибольшие опасения, — то Россия и США могли бы говорить о какой-то общей ответственности. Но я не уверен, что та-

что я не уверен, что мы готовы к такому разговору даже в условном наклонении, даже если нам его предложат. Так о чем договариваться?

Есть еще одна маленькая тонкость. **Ни у США, ни у России нет никаких инструментов воздействия на ситуацию на Украине,** которая возникает сама по себе. Кризис на Украине порожден политической культурой данного общества и помножен на особенности той политической системы, которая была создана в последние два года. Что с этим делать, никто не может себе даже представить. А возможность оккупации — пусть даже группой дружественных держав?.. Увы, предполагать это грустно и смешно.

Россия и США могли бы говорить о какой-то общей ответственности. Но я не уверен, что такой разговор может состояться в течение ближайших недель

РЖ *Смешно?*

Конечно, смешно. Те же американцы на это никогда не пойдут. Мы, я надеюсь, тоже, а европейцы — тем более. Хотя, я повторяю, в результате потери украинскими властями контроля над своей собственной территорией там происходит бешеная десоверенизация. Но не в пользу какой-то внешней силы, а просто происходит распад государства. Это совершенно очевидно. И ситуация эта непреодолима — само по себе государство слишком большое.

ном, хотя Пакистан в десятки раз опаснее.

РЖ *Но вообще-то Обама пришел с обещанием решить эту проблему.*

Да, обещал. Но реально никто не занимается этой проблемой, просто потому, что ею заниматься крайне трудно. Но Пакистан — это чудовищная проблема. Занимаются Кореей, потому что ею заниматься легче. Знаете, как пьяный ищет ключи под фонарем, а не там, где он мог их потерять. ■

Беседовал Борис Межуев

Кризис и угроза возникновения «несостоявшихся государств» – насколько реальна эта перспектива для регионов, соседних со странами БРИК? Что может стать главной причиной такого развития событий – внешние вызовы безопасности или сама система правления? На эти вопросы РЖ отвечают эксперты из стран БРИК

КИТАЙ:

САМОЕ УЯЗВИМОЕ В АЗИИ

ЮАНЬ ЦЗИНДУН
директор Программы нераспространения в Восточной Азии
Специально для РЖ

Проблемы, вызванные нынешним кризисом, я бы рассматривал, во-первых, в связи с ростом националистических настроений, а во-вторых, в связи с возможностью обострения трений по проблемам торговых балансов, обменных курсов и протекционизма. Обвинять друг друга в экономическом спаде – вполне приемлемый для политиков способ переключить внимание с внутренних проблем.

Наиболее уязвимыми с точки зрения безопасности в Азии сейчас являются два региона: Ближний Восток и Пакистан, Афганистан, а до некоторой степени и Корейский полуостров. Помимо этого предметом озабоченности является ядерная программа Ирана.

На мой взгляд, правительство Обамы сосредоточит усилия на обеспечении стабильности в Афганистане, Пакистане таким образом, чтобы эти два государства не стали «несостоявшимися государствами», создающими условия для террористической деятельности, распространения и усиления влияния различных террористических групп. Это, возможно, самый серьезный вызов, с которым столкнулась новая администрация. Я думаю,

что цели антитеррористической борьбы не изменились, но подходы к ней должны стать многомерными – не просто военными, но также дипломатическими, политическими и экономическими, такими, которые могли бы привлечь широкие слои населения и тем самым уменьшить пространство для распространения терроризма.

И в предотвращении этих угроз необходимо сотрудничество ведущих игроков – в частности, США и России. По вопросу Афганистана Москва недавно заявила, что могла бы предложить свою помощь для осуществления американских военных операций против Талибана. В числе общих проблем также прекращение ядерной программы Северной Кореи и решение иранской ядерной проблемы.

При этом крайне маловероятно, что в Азии будет создан какой-то военно-политический альянс для предотвращения угроз по типу НАТО. Причина в том, что страны региона слишком по-разному воспринимают угрозы и собственные национальные приоритеты. Во всяком случае, нет никаких признаков того, что в такой альянс может перейти ШОС. ■

ИНДИЯ:

МИРОМ БУДЕТ ПРАВИТЬ АНАРХИЯ

П. Р. ЧАРИ
профессор Института изучения мира и конфликтов (Дели)
Специально для РЖ

Мировой экономический кризис ударил по всем странам. Больше других пострадают беднейшие страны. Существует реальная перспектива того, что они станут «несостоявшимися государствами». Основными регионами, для которых последствия кризиса окажутся наиболее серьезными и где возможно возникновение «несостоявшихся государств», являются регионы с наибольшим числом наименее развитых стран – прежде всего Африка южнее Сахары.

Следующие в списке – Ближний Восток, Афганистан и Пакистан, которые и дальше будут оставаться в эпицентре глобальных конфликтов. Серьезность стоящих перед этими странами проблем признает и президент США Барак Обама. США будут вынуждены пойти на сотрудничество в разрешении «афганской проблемы» с другими региональными державами, такими как Россия, Китай, Индия и Иран. Речь не идет о союзнических отношениях, а, скорее, о некоей контактной группе наподобие той, что ведет шестисторонние переговоры по Северной Корее.

Не думаю, что какая-то одна страна – будь то США или Китай – смо-

жет в одиночку справиться с существующими угрозами. Всем им предстоит в большей степени заниматься проблемами экономического кризиса и его последствиями для каждой страны. Я предвижу такой сценарий, при котором степень анархии в международных отношениях возрастет, а каждое отдельное государство будет пытаться спастись в одиночку во все более атомизированном мире.

При этом я не вижу и перспектив создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе каких-то альянсов для предотвращения угроз по типу НАТО. НАТО – это военный альянс, который все еще пытается найти для себя новую роль после окончания холодной войны. К тому же я не считаю, что НАТО – жизнеспособный альянс. Взгляните на то, какие неудачи терпят силы НАТО (Международные силы содействия безопасности, ISAF) в Афганистане. Не сможет выполнить функции «азиатского НАТО» и Шанхайская организация сотрудничества, поскольку есть основания полагать, что ШОС – это своего рода «китайский противовес» (с одобрения России) присутствию США в регионе. ■

РОССИЯ:

ОТЦЕПИВШИЙСЯ КОРАБЛЬ

МОДЕСТ КОЛЕРОВ
глава союза общественных объединений «Свободная Россия»,
управляющий директор информационного агентства REGNUM
Специально для РЖ

Яназову ряд несостоявшихся государств Евразии. Каждое из них не состоялось по-своему. Это Молдавия, Украина, Грузия, Таджикистан и Киргизия. **Разные причины толкают их на грань государственного банкротства.** Во-первых, это отсутствие опыта государственности. В другом случае это безответственная политика элиты или разнородность территориального состава, разное историческое наследие, разные этнические приоритеты и так далее.

Украина как образ несостоявшегося государства соединяет в себе все эти факторы — и безответственность элиты, и разнородность территорий, и отсутствие государственного опыта, который был бы присущ всей территории в целом. Но все это фрагменты, куски, разное историческое наследие, разные представления о государственности. **Украина, безусловно, несостоявшееся государство, и вполне вероятно, что ее ждет скатывание в хаос.**

Для Украины нет никаких шансов выстроить и успешно реализовать авторитарную модель, модель диктатуры. Потому что Украина как единое государство практически не существует, и как только политическая си-

стема Украины получит такой шокирующий толчок, как диктатура, тут же вся территориальная разнородность Украины инстинктивно будет реагировать в сторону регионализации и даже расчленения страны. Если сейчас региональные элиты довольствуются тем, что либо договариваются с центральной властью, либо учатся навязывать свою волю центральной власти, то диктатура как независимая центральная власть их ни в коем случае не устраивает и никого не может устроить. Это не будет устраивать не только элиту, но и, как мы уже говорили, разнородное демократическое большинство Украины. Поэтому диктатура — как бы она ни «упаковывала» себя, в силовиков или в националистов, — окончательно похоронит Украину.

На Западе с большим опозданием начали понимать, что **Украина во все не потопляемый «авианосец демократии», который они могли бы направить против России, а, скорее, отцепившийся от припортовой стенки корабль.** Только сейчас они начинают понимать, что «оранжевая» элита «не справилась» и не отвечает надеждам, возлагаемым на нее. ■

БРАЗИЛИЯ:

СТРАН-НЕУДАЧНИЦ В РЕГИОНЕ НЕТ

ЛЕСЛИ ЭЛЛИОТТ АРМИЖУ
приглашенный профессор Университета штата Орегон
Специально для РЖ

Какой тип лидера больше подходит для того, чтобы удержать страну от краха? Иногда утверждают, что с этим лучше справляются авторитарные лидеры. Сторонники этого взгляда ссылаются на пример Ли Куан Ю в Сингапуре. Но есть и противоположные примеры: **Роберт Мугабе поставил Зимбабве на грань национальной катастрофы.**

Латиноамериканским странам пришлось нелегко в 1980-х — начале 1990-х годов. Демократизация их политической системы совпала с долговым кризисом и замедлением экономического роста. В прошлом десятилетии большинство латиноамериканских стран сумели добиться среднего и даже высокого уровня роста. Теперь росту угрожает глобальный экономический кризис.

Рационально институализированные демократии, в которых основные игроки убеждены, что лучше конкурировать на выборах, нежели пытаться подорвать основы системы, **наилучшим образом приспособлены для решения возникающих проблем.** При этом я рассматриваю современную политическую систему в Венесуэле как вполне демократичную, хотя Уго Чавес внес

много изменений, которые сдвигают ее в сторону авторитаризма.

Я полагаю, что позиции Бразилии вполне позволяют ей пережить кризис. В стране хорошо функционирующая демократия, политическая система позволяет представлять различные точки зрения, способствует достижению договоренностей и постепенным изменениям, а не реформам в духе «шоковой терапии». Экономика Бразилии находится в «неплохой форме». В 2009 году рост замедлится, возможно, лишь до уровня 1,6 процента. Но банковская система не обрушится, и бразильское общество не потеряет доверия к институтам власти своей страны.

Что же касается левых правительств в Южной Америке, то внешние **обстоятельства и требования населения вынудят их перейти от пламенной риторики к умеренной макроэкономической стратегии** и к сдержанности в сфере политики. С учетом резкого падения цен на нефть даже Уго Чавес обнаружил, что нуждается в поддержке деловых кругов. Думаю, нынешний кризис станет фактором, подталкивающим страны региона к большему экономическому сотрудничеству и интеграции. ■

ЧЕРНАЯ ДЫРА В 46 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК

ЧЕМ ГРОЗИТ РОССИИ КРАХ ПРОЕКТА «НЕЗАВИСИМАЯ УКРАИНА»

Кирилл Танаев

Кирилл Танаев — генеральный директор Фонда эффективной политики, автор и ведущий программы «Вести СНГ» телеканала «Вести-24»

«То, что происходит сегодня — это не кризис, а настоящая катастрофа, и власти не делают ничего для того, чтобы ослабить ее действие» — экс-президент Украины Л. Кучма

Живописания политических, экономических и социальных напастей, обрушившихся на Украину, давно стали почти будничным медийным фоном. Иной раз создается ощущение, что украинские политики, будто сговорившись, испытывают социальную ткань общества всеми мыслимыми и немислимыми способами (согласно, как говорят в школе, мере собственной испорченности) на прочность. Мол, а вот так если — выдержит? А так?

Глобальный экономический кризис радикально усугубил и обострил ситуацию. **В сущности, кризис закончил одну жизнь Украины и начал новую. Вот только начал ли?** Неспособность национального политического класса соответствовать уровню угроз, перед которыми стоит страна, в полный рост поставила вопрос о самом существовании Украины как суверенного государства.

Пока в Киеве главные, как всем еще кажется, кандидаты на прези-

дентский пост занимаются взаимной аннигиляцией, по стране прокатилась волна «соляных бунтов» — напуганные апокалиптическими слухами граждане под чистую вымели соль и спички с прилавков магазинов и рынков в Полтавской и Кременчугской областях. Продажи соли по стране в феврале по сравнению с аналогичным периодом прошлого года подскочили аж на 30 процентов!

А что еще остается делать пенсионерам (именно они — главные участники соляного ажиотажа), которые в самые ближайшие месяцы вообще могут остаться без средств к существованию, — уже сейчас дефицит пенсионного фонда Украины составляет 2,2 млрд долларов. И как его закрыть, никто не знает.

Между тем интеллектуальная тусовка и политические эксперты всю озабочены возможными сценариями выхода из кризиса. Однако видится им этот выход, как правило, не в области государственной макроэкономической политики и антикризисного менеджмента, а в сфере политической. Любимая тема киевских интеллектуалов либерального вроде толка — все-таки есть демократические варианты выхода из кризиса, или страну спасать будет некая диктатура. **Обсуждение нюансов грядущей диктатуры в последние месяцы превратилось в обычную тему медийной повестки дня** (тоже, замечу, примечательная черта украинской реальности, отличающая ее от той же России, Азербайджана или Казахстана). Кажется, что перспектива сваливания страны в жестко авторитарный режим уже никого и не пугает.

Даже в сверхтолерантной к украинским приколам Европе стало общим местом описывать политическую и экономическую ситуацию на Украине как страновую катастрофу. «Оценки пессимистичны. Я не хочу накладывать беду, но до определенной меры опасения абсолютно оправданы. В конце концов, сложно активно участвовать в будущем Украины, если сами украинцы оказываются неспособны прийти к согласию для защиты собственной независимости», — заявил в интервью польскому журналу Newsweek Збигнев Бжезинский.

Правда заключается в том, что Украина показала себя несостоятельной как государство. И, кажется, что такая оценка становится общим местом.

Можно, конечно, довольно потирать руки — ну что, хохлы, доигрались? Но думается, что такая позиция скорее похожа приступ суицидального синдрома, нежели на ответственный взгляд на положение вещей.

А обстоят дела очень просто — катастрофа украинского государства, вероятность которой сегодня весьма значительна и реальность которой с каждым днем все больше приближают нынешние «лидеры» страны, есть прямая и непосредственная угроза безопасности России.

Если рванет, то, конечно, всем соседям мало не покажется. Однако, в отличие от той же Румынии или Польши, которые явно не прочь поживиться осколками украинской территории (напомним, что та же Румыния официально не признает послевоенных границ и претендует, как минимум, на Южную Бессарабию и Северную Буковину), именно России достанется основная масса проблем. Начиная от миграционного вала, проблем с газовым транзитом и кончая обострением ситуации в целом ряде отраслей экономики.

Авиационная промышленность России, многие отрасли машиностроения, включая энергетическое, по-прежнему завязаны на кооперационные связи с сотнями украинских предприятий. И остановка украинских предприятий самым непосредственным образом негативно влияет на наши предприятия, российские, которые находятся с ними в производственной кооперации. И выделяй им кредиты из госбюджета — не выделяй...

И это ведь только то, что лежит прямо на поверхности.

Угроза разрушения соседнего государства — новое и не менее жесткое, чем августовская агрессия Грузии, испытание для России. Тут нет опыта, тут нет логики или особого знания.

А потому главная проблема сегодня — никто не знает, как и в какой форме Украина будет падать. ■

НЕОБХОДИМОЕ БЕГСТВО ИЗ «НОВОЙ ЕВРОПЫ»

АНДРЕЙ ЕРМОЛАЕВ
директор Центра социологических исследований «София» (Украина)
Специально для РЖ

Кризисное состояние Украины основано на трех составляющих. Во-первых, это включение Украины в общий кризис на этапе глобальной рецессии. Украина оказалась критически зависима от внешней помощи.

Второе: глобальный кризис лишь проявил внутренний перманентный кризис структуры украинской экономики. **Украинская экономическая структура является крайне перекошенной, без внутренних локомотивов развития.**

Третья составляющая — кризис управления: несбалансированность политических институтов, двоевластие в исполнительной структуре, самоуправление, зависимое от центральной власти.

У Украины есть выбор: броситься в омут авторитарных, диктаторских экспериментов или сформировать технократическое компромиссное правительство. Выбор не между неуправляемым кризисом и стабилизационной политикой, а между закреплением статуса индустриальной периферии и политикой новой индустриализации.

Украина может выйти из пике, только если будет ориентироваться на сотрудничество тандема Брюссель — Москва, но

ни в коем случае не на один из центров. Любой перекокс обострит противоречия этого тандема, от чего Украина только потеряет.

Осознавая угрозу единства ЕС, его лидеры могут вернуться к так называемой многоскоростной интеграции. Ядро старой Европы пойдет по пути дальнейшей концентрации и централизации капитала. Новым членам ЕС, и уж тем более потенциальным кандидатам будет продемонстрироваться более дистанционное отношение. **Условием поддержки Украины со стороны ЕС является ее неконфликтность с Россией.**

Украина попала в ряды новоевропейцев, декларировавших европейскую интеграцию, но согласовывавших свои планы с США. Старая Европа критически относилась к евроатлантическим утопиям, отражавшим внутренний раскол Европы. Для Украины необходимо демонтировать политику «новой Европы». Делая ставку на тандем Брюссель — Москва, Киев должен минимизировать зависимость от линии США и превратить свою экономику в своеобразное украинско-российско-европейское СП, сделав ставку на политику новой индустриализации. ■

«СЕРАЯ ЗОНА»

МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ
директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии
Специально для РЖ

Вопрос интеграции Украины в ЕС уходит с европейской повестки дня, замещаясь поиском нового формата отношений с Россией. ЕС не откажется от использования «мягкой силы», но не станет и действовать без оглядки на Москву. Проблемы «серой зоны» — общие проблемы ЕС и РФ, что наглядно продемонстрировали газовые конфликты Москвы и Киева.

Москве в этой ситуации важно не нагромождать проблем. В частности, разделить отношение к гражданам и к правительствам. Чего сейчас нет. Настораживает динамика роста негативного отношения россиян к украинцам. Менее чем за год число относящихся к украинцам, плохо выросло с 33 до 62 процентов (данные «Левада-центра»).

Удар, нанесенный кризисом по украинской экономике, обычно комментируется как результат бездарной политики властей, внутренних конфликтов, коррупции и т.п. Это так, но главный фактор — структура экспорта, основной составляющей которого является металл. Металлургия как инвестиционный товар более уязвима во время кризисов, чем

любая другая экспортная продукция.

Вторая причина — **высокая долларизация экономики.** Валютные кредиты населению на Украине в абсолютных цифрах больше, чем в России. На их обслуживание требуется сумма, сопоставимая с расходами на покупку газа.

Оптимальной для Украины была бы такая политическая модель, которая принуждала бы к компромиссу главных игроков. К такой модели ближе всего парламентская демократия с «сильным» премьером.

Украина не failed state. Но и процесс строительства государства далек от завершения. Если бы не 2004 год с его майдамом, процесс эволюции, возможно, вывел бы Украину на более или менее внятную линию устойчивого развития. **Эпоха Ющенко «сорвала резьбу».** Стало очевидно, что страна не имеет государственнической элиты, общего понимания «национального интереса», не говоря уже о таких «мелочах», как «национальные приоритеты».

Украине не угрожает настоящая диктатура — диктатора нужно не просто бояться, но и любить. А на Украине, если одна часть страны полюбила NN, то другая его не полюбит никогда. ■

БАНКРОТСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА ВОСТОК

Руслан Хестанов

О ЧЕМ СПОР?

Руслан Хестанов — заместитель главного редактора еженедельника «Русский репортер»

Европейская интеграция уникальна: она была самой дешевой в истории формой имперской интеграции. В целях экспансии на восток Европа использовала не столько военные или административные, сколько символические ресурсы. Доля бюджета ЕС в совокупном ВВП составляет чуть более одного процента. Европейский центр в очень малой степени осуществляет функции перераспределения ресурсов от центра к периферии.

Хотя процесс добровольного ассоциирования с новым имперским образованием происходил до сих пор довольно быстро и эффективно, столь низкая цена расширения Европы настораживала еще до начала кризиса. Уже тогда у некоторых политологов возникло подозрение, что богатые западноевропейские страны вряд ли будут готовы оказывать массивную экономическую помощь восточно-европейским союзникам в критической ситуации.

С одной стороны, страны восточноевропейской периферии отказались от целого ряда функций суверенной государственности (оборона, внешняя политика, автономная финансовая и банковская системы). С другой стороны, страны европейского ядра полностью подчинили свою восточную политику прагматичному расчету издержек и выгод с точ-

ки зрения собственных национальных интересов. До кризиса эта асимметрия была не вполне очевидной, но теперь она обнаружилась явным образом. Процесс европейской экспансии надолго приостановлен.

Поскольку до сих пор не ясно, когда мировой экономический спад достигнет дна, постольку о политической судьбе региона можно говорить только с точки зрения вероятностей. Здесь интересны два сценария. Если спад окажется непродолжительным, страны европейского ядра разменяют незначительные размеры экономической помощи на еще большие политические уступки со стороны восточных европейцев. В случае эффективности этого обмена он может дать сильный импульс формированию вертикальных централизованных исполнительных структур ЕС — увеличение полномочий президентской власти, внешнеполитического и оборонного ведомства.

Второй сценарий имеет большие шансы, если кризис будет продолжительным и ресурсы, которыми Западная Европа сможет поделиться, окажутся недостаточными для восстановления стран Восточной Европы. Тогда следует ожидать расцвета националистической и популистской политики, которая проявится в стремлении к возвращению целого ряда функций государственного суверенитета, в национализации ключевых секторов экономики и перераспределении капитала и собственности. Этот курс чреват внутренними расколами элит и появлением целого ряда

Отчасти общие контуры второго, более пессимистического, сценария сегодня наблюдаются на Украине. Киев на экономическую помощь европейцев уже не рассчитывает. МВФ приостановил процесс выдачи транша в 16,4 миллиарда долларов, поскольку руководство банка уже не доверяет чистоплотности украинского истеблишмента. Поэтому в украинской столице все чаще говорят о том, что единственной альтернативой распаду страны может быть объявление чрезвычайного положения. В украинском контексте это означает пожертвовать парламентской демократией в пользу монополизации власти и диктатуры. Однако распознать в новой власти диктатуру будет довольно сложно, так как она объявит о защите демократических завоеваний, очищении государства от коррупционеров, разгроме олигархов, национализации их имущества и активов. Все эти шаги найдут всенародную поддержку. Чрезвычайная ситуация будет выглядеть вполне легитимной.

Однако распад украинской государственности сегодня происходит настолько стремительно, что даже авторитарное правление скоро запоздает: взять под контроль протест недовольных окружающим бардаком людей можно будет только в каждом регионе по отдельности. В каждом из них появятся свои собственные политические лидеры, которые не обязательно будут приняты соседями. При таком развитии событий мы вряд ли увидим Украину в своих прежних границах.

Несмотря на то, что Украина не успела стать полноправным чле-

Распад украинской государственности сегодня происходит настолько стремительно, что даже авторитарное правление скоро запоздает

неудавшихся государств. Восточная Европа вступит в продолжительный период нестабильности, который будет сопровождаться процессами пересмотра существующих государственных границ.

ном ЕС, ее возможный скорый коллапс можно назвать банкротством европейской экспансии на восток. Ведь ее политические и институты создавались при активном участии европейцев. ■

ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ — РЕГРЕСС ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Михаил Ремизов

Михаил Ремизов — президент Института национальной стратегии (ИНС)

В современном понимании несостоявшиеся государства — это те государства, которые не обрели своей национальной основы в силу территориальных или культурно-цивилизационных проблем. В этом ракурсе новые члены Европейского союза не являются failed states. Однако по более жестким критериям failed state XIX века смешно говорить о полноценной государственности восточноевропейских или Прибалтийских государств.

Формула демонтажа национальных государств Европы — это десуверенизация. Проблему десуверенизации нужно разделить на два блока: с одной стороны, десуверенизация в рамках ЕС, а также в некотором смысле самого ЕС, а с другой — вечная тема десуверенизации постсоветских режимов, которые не вступили в ЕС и в принципе не имеют никаких шансов на вступление.

В рамках ЕС десуверенизация носит запланированный, институциональный характер. **Но предполагает ли этот процесс создание нового суверенитета общеевропейского масштаба?**

Для этого недостаточно передать на общеевропейский уровень экономические и финансовые прерогативы, как сделано сейчас. Недостаточно и создать европейские военные силы с перспективой общей международной политики. Простой и ясный критерий суверенитета — соеди-

нение полноты административной регулирующей власти с властью политического лидерства, что связано с созданием целостного публичного пространства.

Это в свою очередь предполагает общую цивилизационную идентичность, единую политическую культуру, историческую мифологию. **Но в Европе нет целостности. Восточная Европа — христианская и националистическая. Западная Европа пост- и антихристианская (за исключением Италии) и постнациональная,** что проявляется в том числе в миграционной политике. Европа расколота по таким важным вопросам развития современных обществ, как права меньшинств или биоэтика, гендерные вопросы.

Общеевропейскую идентичность можно создать на базе победы Восточной либо Западной Европы. Пока

кий уровень культуры в обществе, увеличение доверия в рамках массового общества.

С демонтажем национального государства именно как суверенного государства случится откат по всем этим направлениям. Будет размываться ядро общества в виде среднего класса, усиливаться социальная поляризация. Будет уничтожаться единое пространство публичности, которое сделало возможным демократию, например, за счет увеличения роли меньшинств на этнических, и на цивилизационных, и на культурных основах. Размывание единой политической культуры автоматически означает сворачивание демократии. **По мере демонтажа национального государства будет происходить системный регресс и распад того европейского общества, которое было ориентиром для других стран и континентов.**

Рассмотрение десуверенизации как позитивного процесса — это мейнстрим европейской общественной мысли

победа любой из них выглядит маловероятной. Соответственно и общеевропейский суверенитет будет существовать в вечно зачаточном состоянии. **ЕС представляет собой эксперимент постсуверенной модели существования государства, когда публичная политика существует отдельно от административного регулирования.** Этот вариант десуверенизации сопровождается упразднением демократии. Ведь демократия возможна только благодаря тому, что через инструменты публичной политики общество формирует систему управления.

Рассмотрение десуверенизации как позитивного процесса — это мейнстрим европейской общественной мысли. На самом деле процесс десуверенизации не является позитивным. **Новоевропейское национальное государство — это одно из высших достижений человеческой истории,** обеспечившее большее социальное равенство, демократизацию, высо-

Иначе выглядит десуверенизация за пределами ЕС. На постсоветском пространстве главным фактором десуверенизации является уязвимость и зависимость режимов от внешних центров силы. В условиях кризиса проблема десуверенизации обострится, но до военных конфликтов дело не дойдет. Наиболее уязвимая здесь точка — это Украина. Но и в случае с ней вероятность войны крайне низкая. И не потому, что в этом никто не заинтересован, а потому, что **Украина продемонстрировала больший ресурс устойчивости, чем ей приписывали до сей поры, и меньший потенциал мобилизации в смысле гражданской войны, чем можно было ожидать.** Интенсивность политического размежевания на Украине недостаточна для гражданской войны, без которой военный конфликт на украинской площадке невозможен. Война же вокруг Украины возможна только как межгосударственная. ■

ПРЕЗИДЕНТ ИЗ ТРУЩОБ

Надежда Кеворкова

На днях Лавров и Клинтон долго манипулировали кнопкой перезагрузки российско-американских отношений, путая «мудреные» слова. Фильм «Миллионер из трущоб» рождает догадку о том, что грандиозная программа по «перезагрузке» отношений США с миром является сложной многоходовой акцией, разработанной для разных частей мира по-своему. **«Миллионер из трущоб»** вовсе не просто голливудская сказка. Скорее, это некое наглядное пособие по американскому сценарию «перезагрузки» отношений США и Большого Востока.

Главный герой ленты выбран случайно. Это не индус, что было бы естественно — ведь события разворачиваются в Индии. Это темнокожий мусульманин Джамал Малик. Только похож он не столько на рядового индийца, сколько на нынешнего президента США.

«Миллионер из трущоб» — некое наглядное пособие по американскому сценарию «перезагрузки» отношений США и Большого Востока

Образ Джамала мастерски проработан в мельчайших деталях. Весь фильм он рассказывает следователю и всем нам историю своих бедствий. Черда несчасть отнюдь не служит тому, чтобы сделать понятными безысходные будни Индии. Она работает на то, чтобы люди полюбили этого героя, так похожего на президента Соединенных Штатов с его обманчивым исламским именем. Джамалу верит следователь, чья работа — не верить. И, естественно, ему безоглядно верим мы, зрители. Ему поверило и жюри «Оскара» — они ведь тоже люди, они тоже влюблены в своего президента, путая его с героем. Призер «Оскара» катится по всему миру и скармливается добродушной и дезориентированной публике, беззащитной перед технологиями оболщания. Публика по неведению воспринимает этот фильм как наполовину индийский. Однако таковым

он не является ни в малейшей степени. Скорее, его можно отнести к откровенно антииндийскому кино. К кино, агрессивно разжигающему и без того тяжелые отношения между индустрами и мусульманами, Индией и Пакистаном.

Дьявол, как водится, в деталях. Разберем детали.

Во-первых, все герои ленты — мусульмане. В индийских фильмах это невозможно.

Во-вторых, повествование о детстве паренька Джамала начинается с индуистского погрома в мусульманском квартале. Этой темы в индийском кинематографе и индийских

Кадр из фильма «Миллионер из трущоб»

«Как стать миллионером» не где-нибудь, а в полицейском участке. Там его пытаются. Парня избивают в котлету, вешают на дыбу и пропускают через него ток. Точь-в-точь как в Гуантанамо или Абу-Грейб. А на утро посвежевший и с огоньком в глазах Джамал без гематом и с невывихнутыми суставами едет в телестудию. Полицейские смешно поминают настырных активистов «Международной амнистии». Как после этого всерьез сердиться на тюрьмы ЦРУ, пытки и прочие ужасы? Ведь нам показали пытки. И показали, какие они небольшие и нестрашные. После таких пыток только что и выигрывать миллион. А вы говорите: преступный, мол, режим...

Интересно препарирован и образ мусульманина. **Главный герой «муслим» лишь по имени. Как и Барак Обама.** Молится лишь его брат — убийца, обманщик, насильник. Он и умирает с оружием в руках, с молитвой на устах, уморительно отстреливаясь из ванны, заваленной бумажными деньгами. Вот они какие, мусульмане. А Джамал-Обама — он совсем другой.

Джамал, когда у него убивают маму, только-то и говорит: «Если бы не Аллах и Рама, моя мама была бы жива». Будь главный герой христианином, фраза звучала бы гораздо круче: «Если бы не Христос и Рама, то мама была бы жива». Но тогда этот фильм не получил бы «Оскара» и не способствовал бы «перезагрузке» отношений США с миром. ■

СМИ тоже не существует. Как нет там темы массовых погромов, учиненных индустрами в христианских кварталах и деревнях.

В Индии кастовое общество незыблемо и не сдастся под натиском жалобных призывов Запада о толерантности. В этом кино откровенно показана неизживаемая черта кастового общества: мусульманских сироток принуждают петь песни об индийских божествах, а когда они покоряются, жрец совершает ритуальное ослепление детей — в кадре крупным планом льется раскаленный свинец в глаза ребенка.

Но не подумайте, что все снято натуралистично. Все снято легко и даже с «юморком». Юмор носит какой-то странный просветительский характер. Этот юмор нам навязан, чтобы мы «очистились от стереотипов». Так, герой проводит ночь между первым и вторым туром телешоу

ПРЕДОТВРАТИТЬ КРИЗИС НА УКРАИНЕ

Выдержки из специального доклада для Совета по международным отношениям

В ситуации нарастания на Украине как экономической, так и политической напряженности возрастает риск того, что страна уже не сможет самостоятельно решать свои проблемы. В странах Запада растет озабоченность возможным расколом Украины и потенциальной ролью Москвы при подобном развитии ситуации.

Стивен Пайфер (см. его интервью для РЖ в этом номере), экс-посол США на Украине, подготовил специальный доклад для Совета по международным отношениям, имеющего большое влияние на формирование политики Государственного департамента США и Белого дома.

РЖ предлагает своим читателям фрагмент этого многостраничного доклада

Кремль считает, что нестабильная Украина — в его интересах. Такая нестабильность делает Украину непривлекательной политической моделью для россиян, равно как и непривлекательным кандидатом в члены НАТО или Европейского союза. Москва может усиливать внутренние трения на Украине, например, наращивая свою риторику против отношений НАТО — Украина или провоцируя этнических русских в Севастополе, чтобы те агрессивнее высказывались относительно Черноморского флота. Вашингтон должен быть готов предостеречь Москву от недооценки последствий попыток слишком сильного давления на Украину.

Рекомендации

Возобновить регулярный диалог на высоком уровне. В идеале необходимо создать механизм, подобный межгосударственным комиссиям 1996–2000 годов. Это может гарантировать своевременное решение двусторонних проблем и предоставит канал для трансляции искренних, пусть даже жестких, политических посланий.

Настоятельно консультировать украинское руководство при решении тяжелых проблем. Помня опыт Грузии, Вашингтон должен гарантировать абсолютную ясность в Киеве относительно того, какой поддержки может ожидать Киев, если войдет в конфронтацию с Москвой.

Нацелить техническую помощь на увеличение экономических возможностей в Севастополе. Осно-

ываясь на опыте Соединенных Штатов в закрытии военных баз, американская помощь должна способствовать тому, чтобы экономические и деловые возможности в Севастополе стали такими, чтобы местная экономика не оказалась перед угрозой потенциального опустошения после выведения Черноморского флота.

Увеличить техническую помощь, предназначенную для развития энергетической безопасности. Вашингтон должен направить техническую помощь, чтобы

Проводить постоянный мониторинг российских действий в Украине.

Улучшить отношения с Россией. Хотя Украина не будет доминирующим фактором в развитии отношений между США и Россией, улучшение отношений с Москвой увеличит свободу маневра для Украины.

Поддержать интеграцию в НАТО. Администрация Обамы должна продолжать поддержку интеграции Украины в НАТО. Однако, принимая во внимание

Киев мог принять прозрачные меры для покупки и транспортировки природного газа, расширения внутренних источников производства энергии, повышения цен в пределах Украины до рыночного уровня с целью стимулирования энергосбережения и увеличения внутреннего производства энергии.

политические возмущения в Киеве и связанное с этим нежелание одобрить план действий по членству в НАТО (ПДЧ) Вашингтон должен предложить, чтобы Киев развивал свои отношения в этом направлении на основе декабрьского решения министров иностранных дел НАТО. ■

Тринадцатый номер «РЖ – Тема недели» за прошлый год, посвященный политике памяти, вызвал неутраченную дискуссию в среде интеллектуалов. Мы возвращаемся к дискуссии и предоставляем слово одному из ведущих американских исследователей теории международных отношений и исторической политики, профессору Школы Джорджа Буша-старшего при Техасском университете Кристоферу Лэйну.

Я НЕ ВЕРЮ В КОЛЛЕКТИВНУЮ ПАМЯТЬ

Кристофер Лэйн

«Политика памяти» — это попытка интерпретировать, почему произошло то или иное событие. Легко установить, когда произошло сражение, когда тот или иной политик потерял власть. Сложнее понять, почему это произошло. Именно поэтому мы оглядываемся в прошлое, интерпретируем его и сравниваем с современностью.

Я не верю в существование коллективной памяти. У каждой нации своя история, свои мифы, свои идеи, которые постигаются с первыми уроками истории в школе. Но при этом в большинстве стран идут оживленные дискуссии об истинной сути различных событий.

Любая крупная страна пытается создать национальную историю, которая способствовала бы появлению духа единства нации, спланировала бы людей вокруг государства. Все дело в том, о каком типе государства идет речь и насколько ему удалось преуспеть. В США государство не добилось большого успеха отчасти потому, что образование децентрализовано и министерства образования как такового не существует. В Америке сильно развит плюрализм, что затрудняет создание единой версии истории.

Если взять Германию, то ее судьба после Второй мировой войны была решена державами-победительницами, как и интерпретация событий 1930–1940-х годов. Сегодня немцы признают свою коллективную ответственность. История нацистской Германии показывает,

насколько опасен нацизм. Я считаю, что воспитание молодых немцев, основанное на этой версии истории, было правильным.

С другой стороны, японская версия истории этого периода лишена каких-либо намеков на вину Японии. Вряд ли это правильно.

Многих историков интересует связь между Первой и Второй мировыми войнами. В Германии в 1930-е годы была создана такая версия Первой мировой войны, которая снимала ответственность с Германии и перекладывала ее на Англию, Францию и Россию. Был также создан миф, что с Германией обошлись «несправедливо». Что и способствовало успеху Гитлера. **Такие ситуации возникают, когда государство не признает своей ответственности за случившееся.**

Естественно, что «политика памяти» уделяет некоторым государствам больше внимания, чем другим. Должно пройти много времени, прежде чем люди перестанут

интересоваться тем, что думают немцы по поводу своей истории, о 1930-х годах и о гитлеровском режиме. То же можно сказать и о Японии. Далеко не ко всем странам приковано такое повышенное внимание.

Очень сложен вопрос о признании того или иного события геноцидом. Сам термин до сих пор четко не определен. В США и в Англии в последние несколько лет историки стали пересматривать традиционные подходы к разным событиям, среди которых фигурирует, например, бомбардировка Дрездена. Раньше бомбардировка Дрездена, как и бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, преподносилась как мера, призванная остановить врагов, воплощавших абсолютное зло. Однако по мере того, как то поколение уходит, историки стали менять постановку вопроса, задавать неприятные вопросы. В *Journal of Military History* год назад была опубликована очень критическая статья на тему бомбардировки Дрездена.

В этом же контексте следует рассматривать и попытки выработать принципы «политики памяти», общие для России и Европы. Евросоюз пытается создать общий подход к истории Европы, который разделяли бы все страны. Однако **когда историю пытаются переписать «сверху», это плохо работает.** Что касается России, то здесь много хороших историков, которые со временем смогут представить новую интерпретацию событий прошлого века. ■